

Успенского собора; личность создателя собора, итальянца Аристотеля (Фиоравенти), продолжала интересоваться сводчика и после окончания рассказа о строительстве: он рассказывал о его участии в походе на Казань (6990), о том, как после казни врача Антона Аристотель, испугавшись, стал проситься домой — «князь же пойма и ограбив его, посади на Антоновом дворе за Лазарем святым», об участии Аристотеля в походе на Тверь (6993). Большое внимание проявлял составитель свода и к митрополитам второй половины XV в. — Феодосию и Геронтию; он явно сочувствовал Геронтию в его столкновении с великим князем.

Сочувствие составителя свода конца XV в. Геронтию делает весьма вероятной его связь с митрополией; об этом же может свидетельствовать и включение в текст СII—Л ряда сочинений митрополичьего дьяка Родиона Кожуха. Но был ли свод конца XV в. официальным митрополичьим сводом, как полагал А. Н. Насонов? В доказательство этого он ссылался на ряд документов митрополичьего архива, помещенных в СII—Л и отсутствующих в других летописях. Однако свод 1518 г., дошедший до нас в СII—Л, был сложен по своему составу, и принадлежность именно этой группы памятников его протографу конца XV в. (а не самому своду 1518 г.) вызывает серьезные сомнения. Речь идет, прежде всего, о документах 1439 г., связанных с Флорентийской унией, а документы эти, как мы уже знаем, примыкают к рассказу из Московского свода «О осмом соборе», попавшему, очевидно, в свод 1518 г. не из его протографа конца XV в. Что же представляла собой свод 1518 г.? А. Н. Насонов характеризовал его как митрополичий свод, составленный при митрополите Варлааме.⁴³ Мы не знаем, насколько и этот свод может быть определен как официально митрополичий, но его связь с церковью, полная лояльность к властям и официальный характер не вызывают сомнений: об этом свидетельствует целый ряд известий свода 1518 г. за конец XV (после 1490 г.) и начало XVI в. (ср. рассказ о взятии Смоленска в 7022 г.; церковном строительстве в 7025 г., рассказ 7026 г. «Об иконах Владимирских»). Сводчик 1518 г. дополнял текст своего предшественника известиями о строительстве и официальных погребениях XV в.; он же, естественно, мог внести туда и документы из митрополичьего архива.

Если наличие документальных материалов в СII—Л не может считаться аргументом при определении свода конца XV в. как официально митрополичьего, то некоторые особенности этого свода делают такую характеристику совсем сомнительной. Хорошо знакомый с церковной жизнью, составитель свода конца XV в. описывал ее вовсе не с официально церковных позиций. При всем его сочувствии к митрополиту Феодосию он не преминул упомянуть о наказании, наложенном на него митрополитом Ионой в 6966 г. (когда Феодосий был еще епископом), и о вынужденной отставке Феодосия в 6973 г. после неудачной попытки наставить попов и диаконов «на божий путь». Так же откровенен и еще более критичен был он и в рассказах о преемниках Феодосия. Повествуя о строительстве Успенского собора, он посетовал относительно проявленного при этом неуважения к мощам святого Петра — митрополита:

представляется, что прямое обращение к Ермолинской летописи (или ее непосредственному оригиналу) было делом другого сводчика, а не того, который использовал общий протограф Ермолинской и Сокращенных сводов — северный свод 1472 г.

⁴³ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в., стр. 374—376.